

Лин Шу пропустил его слова мимо ушей, резко оттолкнул и развернулся, чтобы уйти. Цзинь Яжэнь молча и бесстрастно наблюдал за происходящим. То, что ситуация примет подобный оборот, стало для него полной неожиданностью. Но хотя он никогда раньше не видел маркиза Хуайнань, до него доходили слухи, что тот — зеница ока князя Чжао Ян Си, ключевая фигура, которую ни в коем случае нельзя просто так отпускать. Да и самого Лин Шу отпускать было нельзя: добравшись до Трех застав, он разнесет вести, что породит ненужные осложнения.

— Господин Лин, не спешите, — заговорил принц-консорт. — Сегодня я намерен собрать войска и выдвинуться к вашим Трем заставам. Быть может, отправитесь вместе со мной? Так нам будет легче уберечь вас от опасностей. Прошу вас, успокойтесь.

Услышав это, Лин Шу обернулся. Цзинь Яжэнь смотрел на него с легкой, уверенной усмешкой, словно победа уже была у него в кармане. Гвардейцы Сицзя враждебно уставились на него и стоявшего рядом А-Хуа... Нет, теперь уже Ян Е!

Длинный меч в руке Лин Шу тихо, угрожающе зазвенел.

— Помощник министра Цзин, что это значит? — глухо спросил он.

Цзин Хуайюй, втайне побаивавшийся Лин Шу, незаметно отступил за спину Цзинь Яжэня и лишь тогда подал голос:

— Такова воля Его Величества — я обязан сопровождать вас до конца. Полагаю, нам всем будет безопаснее вернуться вместе с принцем-консортом.

Лин Шу одарил их ледяным взглядом.

— А если я откажусь? Попытайтесь удержать силой?

Ни Цзинь Яжэнь, ни Цзин Хуайюй не проронили ни слова, молча подтверждая его догадку. Лин Шу отбросил вежливость.

— Гвардия Ичжэнь, за мной!

Перед отправлением император велел гвардейцам подчиняться Лин Шу. Шестеро воинов, проникших во дворец, мгновенно обнажили мечи и заступили ему дорогу.

Цзинь Яжэнь поспешно взмахнул рукой:

— Задержите его!

Стражники Сицзя, потрясая оружием, ринулись вперед, пытаясь окружить беглецов. Однако гвардейцы Ичжэнь взмахнули рукавами, выпуская град отравленных стрел. Воздух огласился криками боли — больше десятка нападавших рухнули замертво.

Заметив, как мгновенно почернели лица павших воинов, Цзинь Яжэнь понял, что стрелы смазаны смертоносным ядом. Поблуднев от страха, он вместе с Цзин Хуайюем поспешно отступил подальше, яростно выкрикивая:

— Остановите его! Не дайте уйти!

Получив приказ принца-консорта, стражники, забыв о страхе смерти, снова хлынули вперед, зажимая беглецов в плотное кольцо. Вырваться из этой ловушки было непросто. На Лин Шу нацелились острия десятков копий. Ослепленный яростью, он инстинктивно взмахнул мечом, но из-за бушевавших в душе эмоций его движения утратили былую безупречную точность. И тут рядом просвистел ветер — Ян Е рванулся вперед, принимая на себя и отражая большую часть вражеских ударов.

Стыд и гнев одновременно захлестнули Лин Шу.

— Прочь! — рявкнул он.

Он обрушил на него яростный рубящий удар. Видя, с какой беспощадностью наступает Лин Шу, Ян Е послушно рухнул на землю, уклонился кувырком и закричал:

— Лин Шу, стой! Сейчас мы должны действовать сообща! Сначала выберемся отсюда, а потом разберемся!

Лин Шу пропустил крик мимо ушей. Его меч разил без промаха, нацеливаясь в самые уязвимые места. Умирать от его руки Ян Е не собирался, а потому виртуозно уворачивался среди хаоса битвы, продолжая кричать:

— Лин Шу, Лин Шу! Если убьешь меня сейчас, всю жизнь локти кусать будешь!

Лин Шу молчал, но взгляд его был полон беспредельного отчаяния. Он мчался сюда, окрыленный надеждой спасти А-Хуа — того, кто еще прошлым вечером осыпал его нежностью и лаской. А в итоге обнаружил перед собой злейшего врага, которого ненавидел до глубины души. К тому же коварный сговор Ян Тао и Цзин Хуайюя окончательно выбил почву у него из-под ног. Гнев, разочарование, жгучий стыд — все эти чувства слились в один удушающий узел. Ему хотелось просто сгинуть на месте.

Глядя на то, с каким остервенением Лин Шу пытается его прирезать, Ян Е почувствовал искренний страх. Но в мыслях все равно не удержался от ворчания.

«Подумаешь, трагедия! И чего так злиться? Вчера сам ведь млел от удовольствия, а наутро сразу в кусты и за меч. Я тут, понимаешь, полвечера спину гнул, и если теперь помру от твоей руки, это же будет чистый убыток!»

Тем временем за спиной увлекшегося погоней Лин Шу выросла толпа вражеских солдат. Острия их копий и клинки мечей свистели у самого его затылка, чудом не задевая плоть.

В такой ситуации оставалось уповать лишь на старый добрый прием со «страданием ради дела». Сработает или нет — бог весть. Ян Е сосредоточился. Улучив момент, когда Лин Шу шел в очередную атаку, он увернулся. Лин Шу на миг замешкался, заметив, как лицо противника исказилось от испуга при взгляде ему за спину. Не успел он сообразить, в чем дело, как Ян Е уперся копьем в землю, перемахнул через его плечо и с глухим стоном закрыл его собой от летящих в спину клинков и копий. Брызнула алая кровь.

Лин Шу резко развернулся. Его меч Чжэньбин, сверкнув молнией, начисто перерубил вражеское оружие. Лишившись опоры, раненый Ян Е покачнулся и навалился на плечо Лин Шу, мертвой хваткой вцепившись в его левый рукав. Из рта его толчками пошла кровавая пена.

Лин Шу оцепенело уставился на него. Ему почему-то вспомнился допрос в Верховном суде в Чанъани: тогда Дун Гэ пытал какого-то преступника, и тот, не выдержав мук, откусил себе язык. Кровь у него изо рта текла точно так же.

Видя, что Лин Шу на этот раз не стал его отталкивать, Ян Е мысленно вздохнул с облегчением.

— Они... сзади... — прошептал он, но слова утонули в невнятном хрипе.

Он попытался приподнять руку, словно собираясь дать себе пощечину, но силы окончательно оставили его, и он тяжело обмяк.

— Мне не страшны их удары, не нужно меня защищать... — машинально выдавил Лин Шу, но, взглянув на истекающего кровью Ян Е, умолк.

Отразив выпад еще нескольких копий, он зычно крикнул подчиненным:

— Не ввязываться в бой! Уходим!

На самом деле Ян Е планировал разыграть благородного героя и из последних сил прохрипеть что-то вроде: «Оставь меня, спасайся сам!», чтобы растопить ледяное сердце Лин Шу. Но вместо этого язык его предательски выдал: «На тебя напали сзади... Видишь, я подставился под удар ради тебя, так что теперь ты просто обязан вытащить меня отсюда!»

К счастью, из-за ранения ему лишь казалось, что он говорит громко, а на деле Лин Шу ничего

не разобрал. Ян Е запоздало ужаснулся собственной глупости и мысленно обругал себя.

«Вот же дурак, зачем брякнул правду? И что теперь делать? Ладно, лучше всего сейчас просто отключиться»

Силы действительно были на исходе. Перед глазами все поплыло, и он благополучно провалился в темноту. Последней его мыслью было держать Лин Шу изо всех сил — иначе тот без колебаний бросит его здесь на растерзание, и тогда пиши пропало.

Нападающие обступили беглецов сплошной стеной. Цзинь Яжэнь уже злорадствовал, гадая, как они собираются спастись. Но в этот миг Лин Шу сделал резкий выпад назад, оперев клинок о меч одного из гвардейцев Ичжэнь. Раздался тихий звон металла. Тонкий меч изогнулся крутой дугой и спружинил. Используя силу отдачи, Лин Шу взмыл в воздух и легко, словно пушинка, опустился на гребень высокой стены. На его левой руке безвольно висел полумертвый А-Хуа.

Все произошло в одно мгновение. Этот невероятный, исполненный изящества прыжок заставил Цзинь Яжэня застыть с открытым ртом.

Шестеро гвардейцев Ичжэнь тут же разбились на пары. Трое из них повторили трюк своего командира, взлетев на стену единым слаженным движением. Оказавшись наверху, они мгновенно выпустили новую порцию отравленных стрел по наседавшим врагам и сбросили вниз прочные канаты. Оставшиеся внизу воины одной рукой отбивались от наседавших стражников Сицзя, а другой ухватились за веревки. Рывок — и они взлетели к товарищам, перемахнули через стену вслед за Лин Шу и растворились в сумерках.

Цзинь Яжэнь наконец опомнился от шока:

— Какое поразительное мастерство! Неудивительно, что император Да Янь так благоволит ему... В погоню! Быстрее!

На пределе возможностей используя легкость шага, беглецы промчались по крышам обратно к Государственному подворью. Там Лин Шу бесцеремонно сбросил бессознательного Ян Е на руки подбежавшему Дун Чуню и, собрав всех гвардейцев Ичжэнь, скомандовал:

— Немедленно возвращаемся на Боковую заставу!

Отряд вихрем пронесся по широким улицам, направляясь к южным воротам города Юньчжун. Позади них уже всюду редела погоня — из ворот королевского дворца нескончаемым потоком изливалась вражеская стража. Когда впереди показалась арка ворот, сзади послышался грохот копыт преследователей. До ушей донеслись резкие крики на языке Сицзя — очевидно, требовали перекрыть выход.

Дежурившие у ворот солдаты бросились к тяжелым створкам. Заметив это, Лин Шу взмыл из седла вверх и в мгновение ока оказался возле них. Раздался свист рассекаемого воздуха. Его меч прочертил в полумраке ослепительную, жуткую дугу. В то же мгновение две головы покатались по земле под испуганные вопли случайных прохожих. Сделав изящный кувырок в воздухе, Лин Шу опустилсся точно в седло подоспевшего коня. Отряд вихрем пролетел сквозь распахнутые ворота и скрылся в облаке степной пыли.

Они мчались по бескрайней степи весь день. Лин Шу ехал впереди всех с мрачным, словно грозовая туча, лицом. Гвардейцы, не решаясь беспокоить командира лишними расспросами, безмолвно следовали за ним. Когда солнце коснулось горизонта, а преследователи давно скрылись из виду, усталость начала валить людей с ног, но нарушить тишину никто так и не отважился. Наконец Дун Гэ осторожно поравнялся с Лин Шу и негромко произнес:

— Господин Лин, даже если мы полны сил, коням нужен отдых.

Лин Шу словно очнулся от глубоких раздумий. Скользя взглядом по изнуренному лицу подчиненного, он кивнул:

— Найдем место для ночлега.

Они перешли на шаг. Вскоре на западе показалось небольшое озеро, окруженное редкими купами деревьев. Лин Шу указал туда плетью, и всадники направили коней к воде. На водопое животные смогли наконец утолить жажду. Достав скудные припасы, гвардейцы быстро поняли, что этого не хватит на всех. Тогда несколько всадников Ичжэнь незаметно съездили к ближайшему кочевью и раздобыли двух упитанных баранов. Туши освежевали прямо у воды, развели костер и принялись жарить сочное мясо.

Дун Чунь, успевший лишь наскоро перевязать Ян Е в пути, аккуратно уложил его на мягкую траву. Лин Шу так и не дал никаких указаний насчет пленника. Он сидел поодаль с отрешенным и суровым видом, и Дун Чунь, не смея беспокоить его расспросами, решил на свой страх и риск обработать раны пострадавшего. Ранения оказались не смертельными — Ян Е умудрился подставиться под удар с умом, — но и легкими их назвать было нельзя: в пылу сражения лезвие легко могло задеть жизненно важные органы. Дун Чунь бинтовал его без особого трепета. Слишком резко затянув повязку, он заставил Ян Е глухо застонать от резкой боли и прийти в себя.

Едва разомкнув веки и признав Дун Чуня, Ян Е мгновенно оценил обстановку и без лишних предисловий проворчал:

— Ты меня лечишь или заживо пытаешь? Откуда у тебя руки растут, неумеха?

Дун Чунь лишь хмыкнул на эти упреки. Годы службы под началом сурового судьи научили его стойко переносить любые колкости. Ни слова не говоря, он туго завязал узел, поднялся и ушел к костру делить трапезу с остальными.

Оставшись в одиночестве на траве, Ян Е почувствовал невыносимую жажду, но подходить к нему никто не собирался. Кое-как подполз к берегу плещущегося неподалеку озера, он зачерпнул ладонями студеной влаги. С каждым глотком к ослабевшему телу медленно возвращались силы. Обернувшись, он тоскливо уставился на расположившихся у огня гвардейцев. От костра доносился умопомрачительный аромат жареной баранины, от которого у него сразу потекли слюнки.

Полежав немного и набравшись духу, Ян Е с трудом поднялся на ноги и, прихрамывая, потащился поближе к теплу. Дун Чунь и Дун Гэ сидели рядом с Лин Шу чуть в стороне от общего круга. Сам Лин Шу, подперев рукой подбородок, отрешенно созерцал темную озерную гладь. Дун Гэ протянул ему аппетитный кусок мяса:

— Господин Лин, поешьте немного.

Тот лишь молча покачал головой, даже не повернувшись. Поняв, что настаивать бесполезно, Дун Гэ безропотно убрал угощение.

«Опять за свое... Стоит ему разозлиться, как тут же объявляет голодовку» — усмехнулся про себя Ян Е.

Однако, учитывая деликатность своего нынешнего положения, навязываться Лин Шу он не решился. Вместо этого он без тени смущения подсел к костру гвардейцев и, перехватив чужой наточенный нож, отхватил себе увесистый кусок баранины. Жестокая дисциплина гвардейцев Ичжэнь превосходила всякое воображение: поскольку прямого приказа пленить, прогнать или прикончить незваного гостя от Лин Шу не поступало, они попросту игнорировали его существование. Ян Е беспрепятственно утащил еще и пресную лепешку и устроился в сторонке, с аппетитом уплетая добычу.

Тьма над степью сгущалась. Купол ночного неба казался бездонным, усыпанным мириадами холодных, едва мерцающих звезд. Из-за потери крови Ян Е сильно знобило. Он плотнее запахнул изодранные одежды и осторожно придвинулся ближе к угасающим углям костра. Но не успел он согреться, как к нему подошел Дун Гэ:

— Господин Лин велел передать, чтобы ты убирался на все четыре стороны. Можешь идти.

Услышав, что его отпускают, Ян Е с трудом подавил ликующий вздох. Но тут же в нем проснулось привычное нахальство.

«Я же ранен, как мне одному выжить в степи? Это верная смерть! В конце концов, я подставился под удар ради него — пусть и немного приукрасил свои страдания, но ведь спас! Он просто не имеет права бросить меня здесь. Раз убивать не хочет, значит, буду висеть у него на шее до последнего!»